

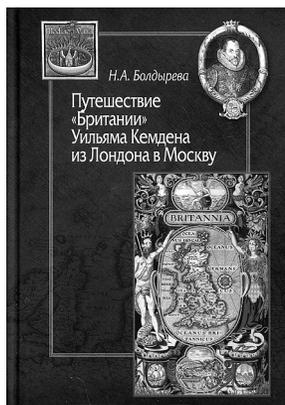
«Британия» глазами русских интеллектуалов XVII века

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_334

Болдырева Н.А. Путешествие «Британии» Уильяма Кемдена из Лондона в Москву (из истории англо-русских культурных связей XVI–XVII вв.).

М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. — 438 с. — 300 экз.

Книга Н.А. Болдыревой посвящена истории переводов и других форм рецепции в России XVII в. историко-топографического трактата «Британия» (Britannia <...>, 1586)¹ английского историка, топографа и нумизмата Уильяма Кемдена (1551–1623). Этот труд, написанный на латинском языке, еще при жизни автора выдержал шесть изданий, сразу получив признание как на родине автора, так и за ее пределами. В дальнейшем он часто использовался в различных картографических изданиях конца XVI — первой половины XVII в., что было связано с завершением эпохи великих географических открытий и созданием пространственной проекции Земли на бумаге.

В центре внимания рецензируемого исследования — два подобных картографических издания на латинском языке, имевших множество редакций и выдержавших острую конкуренцию со стороны схожих книг. Это «Атлас Герарда Меркатора, или Космографические соображения о сотворении мира и вид сотворенного» (Gerardi Mercatoris atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura. Amsterodami, 1606; далее — «Атлас») и созданное на его основе и существенно переработанное «Обозрение шара земного, или Новый Атлас» (Theatrum orbis terrarum, sive atlas novus: in quo tabulae et descriptiones omnium regionum. Amsterodami, 1645; далее — «Новый Атлас»). Именно в составе этих атласов «Британия»

Кемдена присутствовала в качестве сопроводительного текста к картам, зачастую в усеченном или даже существенно переработанном виде. Таким текст «Британии» попал и к русскому читателю в XVII веке.

«Британия» в составе атласов сразу получила широкое хождение. Уже в 1607 г. был сделан ее перевод в составе «Атласа» на французский язык. На немецкий, голландский и английский переводы появились не позже 1638 г. (с. 55). В 1637 г. по указу царя Михаила Федоровича переводчиками Посольского приказа Богданом Лыковым и Иваном Дорном был осуществлен перевод на русский язык². В отличие от изданий на европейских языках, русский перевод долгое время ходил в списках (под заглавием «Книга глаголемая Космография, сиречь всего света описание»

- 1 *Camdenus G. Britannia, sive florentissimorum regnorum Angliæ, Scotiæ, Hiberniæ, et insularum adjacentium, ex intima anti- quitate chorographica descriptio. Londini, 1586.*
- 2 *Долгова С.Р., Лантева Т.А. Россия и Британия. XVI–XIX века. М., 2007. С. 57.*

или «Космография Меркатора») и лишь в 1869 г. был опубликован в сокращенном виде историком А.Н. Поповым³, а в полной версии «Космография Меркатора» увидела свет только в 1881 г.⁴ В переводе Лыкова и Дорна раздел, посвященный Британии, среди прочего «описания света» (объем рукописи в разных версиях неодинаков, но примерно составляет 1500 страниц; с. 127) занимает несколько десятков страниц (с. 57), а в издании 1881 г. всего 12 (с. 236–248). Кроме того, в переводе карты отсутствуют, хотя именно они составляли основное содержание издания «Атласа».

Для того чтобы объяснить извилистый путь «Британии» к русскому читателю, Н.А. Болдыревой приходится реконструировать аспекты разворачивающейся научной революции в Европе применительно к развитию картографии, печатно-издательскому делу и естественной истории земли⁵. Автору удается представить тексты «Атласа» и «Нового Атласа» как отдельные части большого научного проекта. Старт этого проекта был задан фламандским картографом Герардом Меркатором (1512–1594), который неустанно трудился в конце своей жизни над созданием карт Европы и издал «Атлас» в трех частях (в 1585 г. — карты Франции, Германии и Бельгии; в 1590 г. — карты Италии и Греции). Третья часть с шестнадцатью «великолепными картами» Британских островов увидела свет уже после его смерти — в 1595 г. (с. 54).

Второй этап этого издательского проекта определяется покупкой медных гравировальных досок «Атласа» Меркатора в 1604 г. после смерти его сына другим известным фламандским картографом Йодоком Хондием (1563–1612), который предпринял новое издание «Атласа», существенно увеличив количество карт и расширив описания к ним. Для составления последних он привлек выдающегося ученого-гуманиста (мужа своей сестры) Питера ван ден Берге (1560–1625), он же Петр Монтан. Оба были тесно связаны с Англией и лично знали Кемдена. Именно Хондию удалось «раскрутить» этот издательский проект (издания 1607, 1608, 1611 и др.; переводы на основные европейские языки) и сделать его выгодным. Издание «Атласа» Хондия 1613 г. попало в Россию.

Третий этап этого издательского проекта связан с голландским картографом и издателем Виллемом Блау (1571–1638), который в 1629 г. выкупил медные гравировальные доски Хондия. Он расширил атлас до четырех томов и дал ему новое название «Обозрение шара земного, или Новый Атлас» (первые два тома вышли в 1635 г., третий и четвертый соответственно в 1640 г. и 1645 г.). В издании Блау «Британия» Кемдена составила четвертый том — и уже в полнотекстовой версии (за исключением сокращенных глав об Ирландии и Шотландии); она также сопровождалась картами из атласа английского картографа Джона Спида (1552–1629). Именно это издание и попало в поле зрения патриарха Никона, и по его заказу был сделан перевод всех четырех томов «Нового Атласа» монахами Чудова монастыря Московского Кремля Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и старцем Исайей в 1650-е — 1661 гг. (с. 251). Перевод четвертого тома «Нового Атласа» был полностью осуществлен Исайей, его 1200-страничная рукопись стала полнотекстовой версией «Британии» на церковнославянском языке. С учетом путаницы титульных листов ряда изданий Болдырева предложила новую датировку (1648–1650) оригинала латинского издания Блау, которым пользовался Исайя (с. 256–257). Кроме того, она убедительно показала, что сохранившиеся в Россий-

3 Попов А.Н. Обзор Хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 189–193.

4 Космография 1670 г.: книга глаголемая Космография, сиречь Описание всего света земель и городов великих. СПб., 1881.

5 См.: Деар П., Шейтин С. Научная революция как событие. М., 2015.

ской государственной библиотеке экземпляры данного издания «Нового Атласа» происходят непосредственно из библиотеки патриарха Никона (с. 236–240), хотя и не связывала эти экземпляры напрямую с Исайей, вероятно, не видя для этого достаточных оснований.

Сложная рецепция «Британии» заставляет Болдыреву, кроме поиска ответа на вопрос «Какие же издания атласа легли в основу русских переводов?», разобраться в другом вопросе: «С каких изданий самого трактата “Британия” были сделаны “кальки” в “Атласе” и “Новом Атласе”?» Только при жизни автора вышло шесть (каждый раз вновь доработанных) изданий, а также первый английский перевод Ф. Холланда 1610 г., осуществленный фактически под диктовку самого Кемдена⁶. На основе текстологического анализа Болдырева пришла к выводу, что в основу русского перевода в составе «Атласа» 1606 г. лег текст пятого латинского издания «Британии» 1600 г., а в составе «Нового Атласа» русский перевод «Британии» был сделан (хотя и в несколько сокращенном виде) с текста шестого латинского издания «Британии» 1607 г. (с. 22), то есть с самого полного варианта текста, вышедшего при жизни Кемдена. Кроме того, для оценки работы переводчиков XVII в. по переложению на русский язык частей атласов, повествующих о Британских островах, исследовательница привлекла дополненную и исправленную англоязычную версию «Британии» 1722 г., созданную под редакцией Эдмунда Гибсона.

Одним из самых больших достоинств книги Болдыревой является то, что в ней фактически впервые в отечественной историографии проведен подробный разбор содержания самого трактата «Британия». Это стало возможным в результате кропотливой работы над анализом перевода старца Исаяи. Болдыревой удалось показать новаторский характер труда Кемдена, который стал важнейшим и долгое время непревзойденным достижением ренессансной науки не только в Англии, но и в масштабах всей европейской «республики ученых»⁷. Перед нами необычное сочинение, которое с современной точки зрения представляет собой синтез краеведения (описание памятников старины, географических особенностей местности, найденных кладов и т. п.), топонимики (размышления над происхождением названий рек, городов и т. п.) и истории — с вкраплениями геральдики, эпиграфики, сфрагистики и нумизматики с древнейших времен до современной Кемдену Британии. В достаточно пространным введении им дана хронологическая проекция истории Британии. Основную же часть трактата составляет историко-топографическое описание тридцати девяти графств с историческими экскурсами-интерпретациями рассматриваемых артефактов, что представляет немалый интерес — с описанием титулованной знати этих графств и историей их возникновения. Дает Кемден и описание административной и судебной систем Англии. Важным моментом здесь является то, что королевство предстает перед нами до момента Английской революции середины XVII в. Таким образом, Кемден стремился разглядеть следы прошлого в историко-культурном ландшафте Англии своего времени и впервые создал исключительно светскую версию истории Британии⁸.

6 Britain, or A Chorographical Description of the Most Flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland, and the Ilands Adioyning, out of the Depth of Antiquitie: Beautified With Mappes of the Severall Shires of England: Written First in Latine by William Camden Clarenceux K. of A. Translated Newly into English by Philémon Holland Doctour in Physick: Finally, Revised, Amended, and Enlarged with Sundry Additions by the Said Author. L., 1610.

7 Только в середине XVIII в. компилятивная «История Англии» Д. Юма стала заменять труд Кемдена.

8 См.: *Trevor-Roper H. Queen Elizabeth's First Historian: William Camden and the Beginning of English «Civil History»*. L., 1971.

Перевод «Космографии Меркатора» Лыкова и Дорна, существующий в двух редакциях, интересовал многих исследователей международных отношений, истории представлений в России о странах Западной Европы, состояния науки и картины мира, истории лексики и многих других областей знания⁹. Исследование Болдыревой выстроено в ином ключе по сравнению с предшественниками: ее интересует то, как был адаптирован текст У. Кемдена русскими переводчиками, что было ими понято и какие ошибки делались при переводе. Подобная постановка проблемы позволяет не столько «уличить» переводчиков в невысоком профессионализме и плохом знании латыни, сколько определить, в каком реальном объеме происходила адаптация западноевропейской ученой мысли, включая сведения из социальной, политической и экономической истории, а также понять, что мешало полноценному освоению этих знаний. В близком ключе перевод «Космографии Меркатора» исследовался лишь С.М. Глускиной¹⁰, однако Болдыревой удалось уточнить историю переводов обеих редакций, подробно описать технику работы переводчиков в ее динамике (в частности, отметить улучшение качества перевода в процессе работы над ним) и прокомментировать конкретные ошибки.

Несмотря на то что перевод Лыкова и Дорна в целом не высоко оценен автором книги, нельзя не отметить его невероятный успех у русских читателей, среди которых были, например, князья Черкасские, Долгорукие, Щербатовы, бояре Головины, патриарх Никон, духовник царя Алексея Михайловича Андрей Постников, Евфимий Чудовский, Григорий Талицкий и многие другие¹¹. На сегодняшний день перевод «Космографии Меркатора» обеих редакций известен (по данным О.Е. Кошелевой) в более чем 40 списках (с. 127).

К сожалению, круг владельцев и читателей многочисленных рукописей «Космографии Меркатора» в основном оставлен автором книги за скобками, тогда как любопытно было бы проследить динамику текста переводов, возможные исправления ошибок переводчиков, пометы и другие особенности читательской рецепции, во всяком случае имеющие отношение к сведениям из английской истории. Это также позволило бы пролить свет на отношение читателей к переводимой информации, понять, что именно они искали в этом тексте, как оценивали полученное знание, критиковали ли они его и применяли ли как-то в своей интеллектуальной деятельности.

Перевод старца Исаяи, подробнейшим образом проанализированный Болдыревой, в силу немногочисленности списков предоставляет гораздо меньше возможностей для проведения подобных разысканий. Сохранилась лишь единственная рукопись этого перевода — «тяжеленный том в кожаном переплете <...>, исписанный мелкой трудночитаемой скорописью с еще более неразборчивыми исправлениями» (с. 7), явно представляющий собой черновую версию перевода. В отличие от Лыкова и Дорна, Исаяя знал о «Британии» Кемдена как самостоятельном сочинении. Следует оговорить, что карты (суть этого издания) в рукописи отсутствуют (с. 290). Однако именно этот перевод дает представление о революционном характере работы Кемдена и представляет историографическую ценность для специалистов по истории Англии раннего Нового времени.

9 См., например, обзор: Барандеев А.В. Русские космографии XVI–XVII вв.: библиография // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 105–111.

10 Глушкина С.М. Космография Богдана Лыкова 1637 г.: дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1949.

11 См.: Кошелева О.Е. Русский перевод 1637 года главы о Московии в «Атласе» Герарда Меркатора // Русский сборник: исследования по истории России. Т. 24. М., 2018. С. 483.

Перевод Исайи имел гораздо меньший успех как среди читателей, так и среди исследователей. Среди читателей «Вританнии» (так трактат озаглавлен в рукописи), помимо патриарха Никона, можно назвать иеромонаха Тимофея, взявшего рукопись в библиотеку основанного им в Москве греческого училища (с. 244–245), а также, возможно, протопопа Андрея Постникова, которым была заказана парадная копия перевода первого тома «Нового Атласа». С недавнего времени перевод атласа стал предметом исследовательского интереса Н.В. Николенковой в связи с вопросами языка, авторства, переводческих стратегий кружка Епифания Славинецкого (в основном относительно первого тома)¹². Кроме того, Болдырева совместно с О.Е. Кошелевой опубликовала ту часть перевода атласа, которая посвящена Московии¹³.

Н.А. Болдырева провела кропотливую работу с текстами. В подкрепление своих выводов автор каждый раз воспроизводит не только оригинальный русский перевод XVII в. и его латинский оригинал, но и дает в подстрочнике современный русский перевод последнего. Эти фрагменты представляют собой богатый материал для дальнейшего анализа переводческой практики и зачаточного состояния научной мысли нового типа, уступившей место другим формам научного знания уже в начале XVIII в.

В специальной (третьей) главе автор отмечает, что первое систематическое знакомство русского читателя с британской историей состоялось еще в XVI в. благодаря переводам «Хроники всего света» (*Kronika wszytkiego świata <...>*, 1551) Мартина Бельского. Этот перевод известен сегодня в десяти полных списках, в том числе в четырех рукописях, имеющих непосредственное отношение к Патриаршей библиотеке (с. 103–104). Таким образом, все три проанализированных Н.А. Болдыревой перевода интересовали книжников высших церковных кругов. Само по себе это обстоятельство является важной характеристикой церковной элиты как интеллектуального сообщества, а анализируемый материал становится существенным источником представлений интеллектуалов о Другом, а также отражением множества дискурсивных практик своего времени — от политических до ученых и исторических.

Автор исследует динамику переводческих стратегий, анализирует стиль переводов и очень подробно определяет степень усвоенности переводчиками латинского текста. Сопоставление переводов в аспекте проблемно-тематических полей, которое проводит Болдырева, можно только приветствовать. Помимо собственно географических реалий, она подробно останавливается на передаче переводчиками сведений о сословной, административной и судебной системах Англии, а также ряде других социально-политических характеристик. В то же время, сравнивая два опосредованных перевода текста Кемдена, Болдырева видит преимущество работы Исайи в некоем накоплении в русской традиции знаний об Англии и, в частности, обращает внимание на появление в Москве новых отчетов дьяка Посольского приказа Г.С. Дохтурова, посланного в 1645–1646 гг. гонцом в Англию с известием о воцарении Алексея Михайловича. В своей попытке связать два очень

12 См.: Николенкова Н.В. Русская географическая терминология во «Вводении в Космографию»: лингвистический аспект // Историческая география. 2016. Т. 3. С. 108–145; Она же. Переводческая деятельность в московском Чудовом монастыре: новые данные о кружке Епифания Славинецкого // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2018. № 6. С. 77–91; и др.

13 Главы о Московском государстве в «Новом Атласе» Блау в переводе Епифания Славинецкого / Введение Н.А. Болдыревой и О.Е. Кошелевой, подгот. текста О.Е. Кошелевой // Русский сборник: исследования по истории России. М., 2021. Т. 30. С. 444–499.

обособленных переводческих сюжета автор, на наш взгляд, не придает должного значения тому уровню образования и интеллектуальной культуры, которые были свойственны малороссийскому книжнику. И дело совсем не в общем объеме знаний или знакомстве с какими бы то ни было отчетами, а в принадлежности к иной традиции. Количество контактов и налаженность дипломатических отношений не находится в прямой корреляции со степенью открытости деятелей культуры к усвоению новых идей и понятий. Каждый переводчик склонен переводить текст другой культуры, принадлежа к собственной культуре (включая ее интеллектуальный, политический и культурно-религиозный уклад) и ориентируя на нее свой перевод, как осознанно, так и в силу других факторов так называемой «лаборатории понятий»¹⁴.

К числу политических формул и понятий, которые можно было бы подробнее прокомментировать, относятся, например, следующие церковнославянские аналогии, действительно, не всегда точно передающие смысл латинского оригинала, но указывающие на особенности понимания его самими переводчиками: «парламент, сий речь приговор всей земле» (с. 163); «духовных людей сойм, их языком именуют парламент, сий речь совет» (с. 165); «*juris libertatisque conditionem*» — «к вере христианской и ко всяким чинам и обычаем» (с. 217); «*vir patriae vere amans*» — «муж известно отчестволюбимый» (с. 312); «*B[ono] R[eipub] Natis*» — «благому гражданства рожденным» (с. 341); «*Iustitarius*» — «законхранитель» и «правоблюститель», «*Senatus*» и «*senators*» — «синклит» (с. 353); «*Comitia Parliamentaria*» — «совет парламентский» (с. 366); «*ad Reipublicae salute, vel etiam privatum quemcunque*» — «к гражданства всецелости, и или к приватному коемуждо» (с. 379); и др.

Делаемые интеллектуалами XVII в. ошибки не всегда говорят лишь о незнании ими латыни или реалий другой культуры, они указывают и на то, что существенно или нет для самой культуры-реципиента. Понятно, что автор не ставила перед собой задачу исследования российской интеллектуальной истории, а рецепция переводных текстов, идей и понятий должна анализироваться не только на «английской» части переводческого наследия XVII в., но и как минимум с обращением к другим частям «Космографии Меркатора» и «Нового Атласа». Однако возможно, что сопоставление столь разных политических культур, как русская и английская, стало бы наиболее показательным¹⁵.

Исследование, проведенное Н.А. Болдыревой, позволяет пересмотреть два традиционных суждения, преобладающих в современной историографии. Во-первых, следует признать высокий уровень переводческой культуры в допетровской Руси. Во-вторых, признать, что уже «во второй половине XVI в. Англия была информирована о России и имела с ней более тесные связи, чем какое-либо другое западноевропейское государство»¹⁶, о чем свидетельствуют богатые фонды РГАДА¹⁷. О «Британии» (если пользоваться терминологией старца Исая) знали не понаслышке. Источником сведений служили английская Московская компания (Старый и Новый английские дворы в Москве), шотландцы на русской службе, а также

14 См.: Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века / Под ред. С.В. Польского и В.С. Ржеуцкого. М., 2022. С. 40–45.

15 См. также: «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2022; Идея «общего блага» в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750) / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2024.

16 Долгова С.Р., Лаптева Т.А. Указ. соч. С. IX.

17 См., в частности: РГАДА. Ф. 35 (Сношения России с Англией).

работавшие в России британские специалисты — врачи, инженеры, моряки¹⁸. Как выясняется, в России XVII в. знали об Англии достаточно много. Успех перевода Лыкова и Дорна был обусловлен прагматическим интересом к Англии, а вот неуспех перевода Исайи определялся его высоким научным уровнем, который соответствовал стандартам середины XVII в. Однако именно перевод Исайи не потерял своего исследовательского потенциала сегодня, с него смело можно начинать историю изучения наследия Уильяма Кемдена в нашей стране¹⁹.

18 См.: РГАДА. Ф. 138 (Дела о Посольском приказе и служивших в нем).

19 Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22–18–00488–П «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).